

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Л. Кругликов*

ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ И ВИДЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. В статье определяется понятие дифференциации юридической ответственности, рассматривается вопрос о ее видах, затронута проблема ее основания. Особое место отводится задаче обеспечения преемственности различных видов ответственности в праве, закреплению в законе соответствующих разграничительных линий. Под дифференциацией юридической ответственности автор понимает установление в законе различных ее видов (форм) в зависимости от наиболее типичных свойств, характеризующих в обобщенном виде различные группы правонарушений. Основанием межотраслевой юридической дифференциации выступает прежде всего характер вредности соответствующего вида поведения, или характер его общественной опасности, вредности. В этом плане необходимо следование ряду правил, в частности, в процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность, в том числе в видах юридической ответственности. «По вертикали» применительно к УК РФ в статье выделяются следующие виды дифференциации ответственности: а) юридической; б) межотраслевой; в) отраслевой (в уголовном праве, уголовной ответственности); г) уголовно-правового института; д) в пределах группы, подгруппы норм; е) в пределах отдельной нормы. Внутри отрасли права допустимо вести речь о дифференциации: 1) оснований уголовной ответственности; 2) формы (вида) ответственности; 3) объема уголовной ответственности и уголовного наказания.

Ключевые слова: преступление, иное правонарушение, юридическая ответственность, дифференциация ответственности, признаки дифференциации, основания юридической дифференциации, классификация дифференциации ответственности, межотраслевая юридическая дифференциация, дифференциация уголовной ответственности, уголовное законодательство.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.1.9700

Как известно, дифференциация ответственности лиц, преступивших уголовный закон, представляет собой одно из генеральных направлений уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступно-

стью любого цивилизованного общества. Остается только сожалеть, что до настоящего времени не достигнуто единства среди ученых и практических работников по исходным моментам: что понимать под дифферен-

© Кругликов Лев Леонидович

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, заслуженный деятель науки РФ
[krugliko@uniyar.ac.ru]

150000, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

циацией ответственности, каковы ее виды, основания и пределы и т.д.

Охарактеризованная в самой общей форме, дифференциация предстает как разделение, расчленение, расслоение чего-либо на отдельные разнородные элементы¹.

Говоря о данном явлении, важно выяснить, о дифференциации чего ведется речь – в данном случае о дифференциации *ответственности*. В теории права обычно говорят и пишут о таких видах последней, как общественная, гражданская (имущественная), дисциплинарная, административная, уголовная, уголовно-процессуальная, гражданско-процессуальная². Соответственно акцент делается на дифференциацию конкретного вида ответственности, в частности уголовной. Ее определяют как градацию, «операцию деления» ответственности на части³, деление обязанности лица, совершившего преступление⁴, «разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия...»⁵. Отсюда делается вывод, что нет места дифференциации ответственности, пока не установлено основание последней.

Субъектом дифференциации в законе – что общепризнанно – выступает законодатель. И если это так, то в действительности уже на самой первой ступени (при разделении права на отрасли, компоновке последних) им должна использоваться идея дифференциации юридической ответственности. Скажем, общепризнаны ограниченные возможности юридического вмешательства в интимные отношения социумов. Существуют определенные устои, представления о нормальных половых отношениях в обществе, к элементам которых обычно относят: 1) стороны – людей; 2) разнополость партнеров; 3) добровольность; 4) достижение партнерами соответствующего порога половой зрелости; 5) отсут-

ствие между ними близкого родства; 6) сношение нормальным половым путем. Всемирная история дает многочисленные примеры изменения позиции государств и общества к отдельным упомянутым элементам – от нетерпимости и преследования лиц до толерантности и легализации сексуальных отклонений. Так, относительно сексуальной ориентации на уровне национального законодательства различных стран выделяют три основные модели регулирования: 1) признание государством законности исключительно гетеросексуальных форм отношений и полный запрет гомосексуализма; 2) признание государством законности гомосексуальных форм отношений при одновременном отсутствии правовых форм защиты от дискриминации по признаку сексуальной ориентации; 3) признание государством законности гомосексуальных форм отношений и запрет дискриминации по признаку сексуальной ориентации, подкрепляемый санкциями к виновным, в том числе и уголовно-правового характера⁶.

Обзор российского законодательства позволяет отметить, что в разные периоды его развития были нормы, закреплявшие негативное отношение и запрещавшие иную половую связь (мужеложство, лесбиянство, скотоложество), помимо гетеросексуальной, а равно интимную связь лиц, состоявших в близком родстве (инцест, кровосмешение). Средствами современного российского уголовного права обеспечивается соблюдение гражданами не всех шести упомянутых элементов отношений либо, чаще, не в полном объеме. Так, отсутствует уголовно-правовой запрет однополых сексуальной связи, ответственность возможна лишь в случаях отсутствия добровольности (например, применения насилия, угроз насилием, использования беспомощного состояния партнера), недостижения потерпевшим соответствующего возрастного порога (14, 16 лет). Отсутствует также уголовно-правовое реагирование на вступление в половую близость лиц, состоящих в близком родстве (инцест), хотя это и чревато серьезными негативными последствиями для потомства.

Решая вопрос об определении вида реагирования на хищение либо хулиганство, потребление либо сбыт наркотиков, изготовление огнестрельного либо пневматического оружия, законодатель неизбежно занимает-

¹ Краткий словарь иностранных слов / сост. С.М. Локшина. М., 1978. С. 99.

² Мельникова Ю.Б. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 12.

³ Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 3, 4.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 63, 368.

⁶ Алексеев Н.А. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: Россия в свете практики международных организаций и национального законодательства стран мира. М., 2002. С. 42–43.

ся межотраслевой дифференциацией. Известно, в частности, что в настоящее время за мелкое хищение и мелкое хулиганство, за потребление наркотиков и незаконное изготовление пневматического оружия уголовная ответственность не предусмотрена – законодатель считает достаточным административно-правовое реагирование на эти и другие подобные виды поведения.

Соответственно дифференциацию юридической ответственности можно определить как установление в законе различных ее видов (форм) «в зависимости от наиболее типичных свойств, характеризующих в обобщенном виде различные группы правонарушений»⁷.

Основанием межотраслевой юридической дифференциации, как представляется, выступает прежде всего *характер вредности* соответствующего вида поведения, или, как говорят иначе, характер его общественной опасности, вредности. В этом плане необходимо следование ряду правил.

В процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность, в том числе в видах юридической ответственности. Скажем, в случае совершения мелкого хищения (стоимость похищенного имущества не превышает одной тысячи рублей – примечание к ст. 7.27 КоАП РФ) следует административная ответственность. При выходе за эти размеры должна предусматриваться уже уголовная ответственность. Другой пример: если в УК РФ ответственность предусмотрена только за такое жестокое обращение с животными, которое совершается либо из хулиганских или корыстных побуждений, либо в присутствии малолетних или с применением садистских методов (ст. 245 УК РФ), то иные случаи жестокого обращения с животными должны рассматриваться законодателем в качестве административного правонарушения.

Ничего подобного в действующем законодательстве, как правило, не наблюдается. Более того, в соответствии с изменениями 2002 г. мелкое хищение влечет наложение административного наказания лишь при отсутствии квалифицирующих признаков указанных видов хищений (ст. 158, 159, 160 УК РФ). Получается, что хотя в поведении похитителя не усматривается всех признаков основного со-

става преступления, все же присутствует квалифицированный вид последнего; кража бутылки качественного спиртного одним лицом представляет собой административное правонарушение, влекущее наложение штрафа или применение административного ареста, а совершение того же деяния двумя лицами или с проникновением в помещение, жилище либо из одежды, ручной клади потерпевшего и т.п. представляет собой уже преступление, причем с существенно повышенной общественной опасностью, влекущей возможность лишения свободы виновных на срок до 5–6 лет.

Многочисленно доказано, что сколько бы лицо не учинило мелких хищений, при отсутствии единого умысла они не могут превратиться в преступное поведение, равно как и при совершении их группой лиц и т.п. Еще Пленум Верховного Суда СССР в действующем и поныне постановлении от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» правильно указал, что наличие предварительной договоренности о совершении мелкого хищения группой лиц, а равно способ исполнения преступления не являются обстоятельствами, которые могут служить основанием для квалификации мелкого хищения как уголовно наказуемого поведения⁸.

Согласно общей теории квалификации, о квалифицированном виде состава можно вести речь лишь в том случае, когда установлены все признаки основного состава преступления. В приведенной же ситуации основной состав отсутствует, а квалифицированный – налицо. Если в суде будет установлено, например, что хищение совершено не группой лиц, а в обычном соучастии, либо что незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище не было, исключается переход к ч. 1 ст. 158–160 УК и должен быть постановлен оправдательный приговор. Абсурдность этой ситуации, на наш взгляд, очевидна.

В силу указанных соображений из ст. 7.27 КоАП РФ следовало бы устранить оговорку «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями... Уголовного кодекса Российской Федерации». За мелкое хищение во всех случаях должна быть предусмотрена возможность только административной, но не уголовной ответственности.

⁷ Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 78. См. также: Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 17.

⁸ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. М., 2010. С. 58.

Неформальная ситуация сложилась после декриминализации фактов неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а именно деяний, которые были запрещены до 2003 г. десятью статьями УК РФ (ст. 118, 143, 216, 219, 263, 264, 266, 267, 268 и 269). Отвлекаясь от того, насколько обоснованным оказалось законодательное решение о декриминализации, обратим внимание на его последствия. Во-первых, декриминализация затронула не все возможные составы: по-прежнему сохранена, скажем, уголовная ответственность за неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью больного в результате неоказания ему помощи без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом (ч. 1 ст. 124 УК РФ); если проводить параллель со случаем неосторожного причинения того же характера вреда в результате несоблюдения правил обращения с транспортным средством (ст. 264 УК) – источником повышенной опасности (а такая параллель нам представляется вполне уместной), становится очевидной та непоследовательность, которая проявлена законодателем в вопросе сохранения криминализации в двух упомянутых случаях.

Отдельными уголовно-правовыми нормами возможность нанесения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, а отсюда и уголовной ответственности, и ныне допускается. Так, согласно ч. 2 ст. 333, 334 и 335 УК повышенная ответственность наступает, если соответствующее преступление против военной службы (сопротивление или насильственные действия по отношению к начальнику, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности) повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью. Поскольку форма вины в упомянутых статьях не оговорена (и из смысла использованных в статьях терминов не следует иное), вполне мыслима неосторожность в поведении виновного лица. Сказанное касается и ряда других норм: в них конститутивным либо квалифицирующим признаком выступает причинение именно по неосторожности вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 228²), массового заболевания или отравления людей (ч. 1 ст. 236 УК), причем последствия могут выражаться в нанесении вреда здоровью человека и средней тяжести; в других случаях говорится о причинении деянием любого или существенного вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 239, 246, 248, 254, ч. 2 ст. 237, 247, 250, 251, 252), в том

числе, думается, и средней тяжести с умышленной либо неосторожной формой вины. В итоге опрометчиво вести речь о тотальной декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью человека, поскольку на самом деле она оказывается точечной, выборочной, чего законодатель, видимо, и не желал.

Но даже в ситуации бесспорной, касающейся десяти вышеперечисленных статей УК РФ, нет преимущества в регламентации вопросов юридической ответственности. В КоАП РФ на момент декриминализации упомянутых десяти деяний имелись: а) две статьи, предусматривавшие ответственность за причинение легкого вреда здоровью потерпевшего водителем в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства (ст. 12.24), а также по неосторожности пешеходом или иным участником дорожного движения (ч. 2 ст. 12.30); б) одна статья (ч. 3 ст. 20.4) – за нарушение требований пожарной безопасности, не повлекшее причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека; в) еще ряд статей (ст. 5.27, 11.5, 11.6 – 11.10, 11.17, 11.20) – за сам факт нарушения законодательства (о труде, правил безопасности движения на железнодорожном, воздушном и водном транспорте, при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов). За истекшее время внесены дополнения лишь в три статьи КоАП РФ. В двух из них стала предусматриваться повышенная административная ответственность за нарушение правил дорожного движения, когда оно повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 2 статей 12.24 и 12.30). Еще в одной статье (ч. 3 ст. 20.4) исключены слова о возникновении в результате пожара средней тяжести вреда здоровью или иных тяжких последствий (которое влекло уже уголовную ответственность), оставлен лишь один негативный признак: «без причинения тяжкого вреда здоровью человека».

Не отличаются четкостью и разграничительные линии уголовно наказуемого и влекущего административную ответственность хулиганства. Так, законодатель в ч. 1 ст. 213 УК РФ трактует хулиганство-преступление как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, если оно совершено:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (например, с использованием биты, металлического прута и т.д.);

б) по мотивам ненависти или вражды (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной; в отношении какой-либо социальной группы).

В отличие от этого в ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ термин «грубое» не упоминается, мелкое хулиганство определяется как:

- нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу,
- сопровождающееся а) нецензурной бранью в общественных местах, б) оскорбительным приставанием к гражданам, а равно в) уничтожением или повреждением чужого имущества.

В этой связи возникает ряд вопросов. Первый из них – что понимать под «грубым» нарушением общественного порядка как разграничительным оценочным признаком? Пленум Верховного Суда РФ, по сути, уклонился от определения сущности этого термина. Он лишь указал: «Суду надлежит устанавливать, в чем конкретно выражалось грубое нарушение общественного порядка...»⁹.

Следует согласиться, что грубость отражает степень, глубину нарушения общественного порядка «и означает значительность, серьезность нарушения...». Но как тогда реагировать на ситуации, когда грубость обусловлена не упомянутыми в ст. 213 УК мотивами и не применением оружия и предметов, к нему приравненных, а чем-то иным? Речь идет, например, об оскорбительных (не связанных с непристойной формой) действиях в общественных местах, не сопряженных с приставанием; с глумлением, издевательским отношением к людям; со срывом массовых мероприятий; с нарушением работы транспорта, общественного спокойствия в течение продолжительного периода времени и т.д. За такого рода поведение, хотя оно и повлекло «грубое» нарушение общественного порядка, мер правового воздействия не предусмотрено.

Тот же вывод следует относительно некоторых видов хулиганских проявлений, не влекущих грубого нарушения общественного порядка, поскольку под мелким хулиганством понимаются не всякие действия, нарушающие спокойствие в обществе и проявляющие явное неуважение к людям, а только три их вида, исчерпывающим образом перечисленные в ст. 20.1 КоАП РФ. А как реагировать на толчки, подножки, предложения людям «заткнуться», на создание помех проведению

общественных мероприятий, работе общественного транспорта, на оскорбительные выражения в адрес судьи на поле и игроков, на иные нарушения общественного порядка и спокойствия относительно небольшой продолжительности?

Как нам представляется, следует вернуться к прежней редакции ст. 20.1 КоАП РФ, в которой до 2007 г. говорилось об ответственности и за «другие действия, демонстративно нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан». Целесообразно было бы также оговорить, что мелкое хулиганство – это действия, нарушающие (в том числе грубо) общественный порядок.

Наконец, в действующем административном законодательстве уничтожение и повреждение чужого имущества рассматривается как одна из форм хулиганских проявлений, что неточно. Такого рода поведение может иметь место на почве не только хулиганских побуждений, что следует и из текста ст. 167 УК РФ: всякое умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, независимо от мотивов, если оно повлекло причинение значительного ущерба, влечет ответственность по ч. 1 ст. 167 УК РФ. Когда такие действия совершаются из хулиганских побуждений, наступает повышенная наказуемость по ч. 2 той же статьи. Отсюда следует вывод, что для соблюдения принципа системности необходимо сохранение в КоАП РФ родового состава административно наказуемого уничтожения или повреждения чужого имущества (по любым мотивам), не повлекшего причинение значительного ущерба (составившего менее 2500 руб.).

В юридической литературе обращено внимание и на другие примеры, свидетельствующие о несогласованности норм административного и уголовного законодательства¹⁰.

Удивительно, но из 19 глав Особенной части УК РФ и 17 КоАП РФ совпадает название (да и то, как правило, не в полной мере) лишь шести глав. Объективная сторона многих однородных правонарушений обрисована в УК РФ и КоАП РФ неодинаково, как будто речь идет о совершенно различных актах поведения; не соблюдается правило (например ст. 14.12 КоАП, ст. 195 УК РФ), согласно которому «самостоятельному составу правонаруше-

¹⁰ Лопашенко Н.А. Преступление в сфере экономической деятельности и административное правонарушение в этой же сфере: проблемы соотношения // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы второй науч.-практ. конф. Ярославль, 2002. С. 14–18.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. С. 3.

ния, преступления должна быть посвящена отдельная статья Кодекса».

В этой связи обратим внимание на еще одну несогласованность двух смежных отраслей законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ хищение, хотя формально и содержащее признаки определенного преступления (кражи, мошенничества, присвоения или растраты и т.д.), не признается преступлением, если в конкретном случае в силу малозначительности оно не представляет той общественной опасности, которая характерна для преступлений. Естественно, что уголовная ответственность в этом случае не следует. Но исключается также применение мер воздействия, предусматриваемых КоАП РФ, поскольку мелким хищением такое поведение признано быть не может (ввиду превышения допустимого для него стоимостного порога – 1 тыс. руб.). Согласно же ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ, лицо не может быть подвергнуто административному взысканию «иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом».

Описанная ситуация касается не только хищений, но и ряда других актов противоправного поведения. Для обеспечения согласованности двух отраслей законодательства, думается, КоАП РФ необходимо дополнить нормой, которая позволяла бы при отсутствии у правонарушения, запрещенного уголовным законом, признака общественной опасности применять санкцию сходной нормы административного законодательства¹¹. Сейчас же, по сути дела, деяние, более вредоносное по сравнению с административным правонарушением, не может влечь административно-правового реагирования.

В законе должны четко определяться разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства. Прежние кодексы в ряде случаев это правило игнорировали. Так, невозможно было отграничить браконьерство как преступление (ст. 163 УК РСФСР 1960 г.) от одноименного административного правонарушения (ст. 85 КоАП РСФСР), что создавало трудности при разграничении уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения¹². Но и ныне такие случаи не единичны.

¹¹ Ту же мысль, только применительно к одному составу (ст. 165 УК РФ), проводит Н.В. Перч (Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст. 165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и квалификацию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16).

¹² Курс уголовного права в 5 т. Т. 4: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 322.

Нуждается в обсуждении вопрос об установлении уголовной ответственности за отдельные правонарушения, признаваемые ныне административно наказуемыми (скажем, за воспрепятствование осуществлению права гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе относительно религиозных и иных убеждений – ст. 5.26 КоАП РФ)¹³.

Спорен вопрос о наличии второго уровня различия – юридической дифференциации ответственности в уголовном праве. В период действия УК 1960 г. он, по сути, не ставился под сомнение, поскольку предусматривались административная, дисциплинарная, гражданско-правовая и общественная формы реагирования на преступное поведение при наличии определенных условий (ч. 3 ст. 50, ч. 1 ст. 163, 164, п. «б» ст. 256 и др.). В УК 1996 г. упоминания об этих формах реагирования не содержится, что дает основание некоторым юристам заявлять не только о том, что «наличие в уголовном законодательстве помимо уголовной и других видов ответственности считаем неправомерным и нецелесообразным»¹⁴, но и что с принятием нового УК РФ вопрос о различии в теории уголовного права понятий дифференциации уголовной ответственности и дифференциации ответственности в уголовном праве «утратил актуальность сам по себе»¹⁵.

На наш взгляд, желаемое выдается за действительное. Не вдаваясь глубоко в полемику относительно понятия уголовной ответственности, ее сущности и содержания, обратим внимание на непоследовательность в цитированных выше утверждениях. Так, их автор (Т.А. Лесниевски-Костарева) не отрицает наличие в УК РФ «иных мер уголовно-правового характера» (ст. 2, 6, 7, 90 и др.), но вместе с тем утверждает, что они, в частности принудительные меры воспитательного воздействия, «не являются... дифференциацией уголовной ответственности».

¹³ Идея межотраслевой дифференциации уходит в глубь веков. Так, известна попытка более четкого разграничения административной и уголовной ответственности в период проведения крестьянской (1861 г.) и судебной (1864 г.) реформ. Был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; из Уложения 1845 г. изъяли статьи о маловажных преступлениях и проступках, многие из них были перенесены в Устав о наказаниях (Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. С. 172). Кроме того, некоторые статьи из Уложения исключили с введением норм в различные законы, регулировавшие организацию и порядок управления определенными отраслями (например в Устав о казенных лесах).

¹⁴ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 69.

сти, поскольку применяются вне рамок уголовной ответственности и не носят репрессивного характера»¹⁶. Но даже если бы все было так, нельзя отрицать, что о данных мерах идет речь именно в уголовном законе (ст. 90–92 УК РФ) и что эти меры используются взамен уголовной ответственности при освобождении от нее (или от наказания) лиц по нереабилитирующим основаниям. Если, следуя взгляду автора, не относить принудительные меры к содержанию уголовной ответственности, необходимо их признать иным видом ответственности, которому, исходя из позиции автора, не должно быть места в уголовном праве¹⁷.

Вместе с тем бесспорно узловое, центральное место занимает дифференциация именно уголовной ответственности, представляющая собой градацию, разделение, расслоение последней в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия¹⁸. Можно ли ею считать отнесение вида преступления к определенному разделу, главе, группе внутри главы УК либо, скажем, градацию посягательств исходя из формы вины?

Некоторые ученые считают, что в таком случае можно вести речь о дифференциации, но не уголовной ответственности, а чего-то иного. В качестве главного довода указывается, что основанием дифференциации выступает типовая степень общественной опасности деяния и личности, здесь же – характер опасности (вредоносности). По нашему мнению, данный спор больше терминологическое, чем сущностное свойство.

Действительно, если считать, что в основе разграничения преступления и иного правонарушения лежит характер общественной опасности деяния (характер его вредоносности), то, казалось бы, несомненен вывод, согласно которому одно преступление отличает-

ся от другого уже не по характеру, а по типовой степени общественной опасности. Один и тот же критерий не может лежать в основе разграничения и «преступного – непроступного» и преступных деяний между собой.

Между тем классификация преступлений проводится законодателем в зависимости от характера и степени их общественной опасности (ч. 1 ст. 15 УК РФ); при назначении наказания по уголовному делу также учитываются характер и степень общественной опасности преступления (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Происходит как бы удвоение роли характера общественной опасности, вредоносности – он отличает и преступное от непроступного, и один вид преступления от другого. Эта двусмысленность термина «характер» и порождает разнобой в теории уголовного права. Сказанным, видимо, объясняется и то, почему применительно к другим отраслям права законодатель избегает использования категории «общественная опасность», а в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние, формально содержащее признаки какого-либо преступления, якобы не представляет никакой общественной опасности.

По нашему мнению, классифицируя деяния в рамках Особенной части уголовного права, располагая их в определенной последовательности (в том числе относительно друг друга), законодатель преследует цель не просто упорядочить нормативный материал, но и осуществить в пределах возможного дифференциацию ответственности. Это касается не только «глобальной» дифференциации исходя из приоритетов в триаде «личность – общество – государство», но и конструирования отдельных разделов, глав, вычленения в пределах каждой главы конкретных групп, подгрупп преступлений, выделения и расположения конкретных составов преступлений одной классификационной группы относительно друг друга по мере убывания или возрастания уровня общественной опасности деяний.

Установление различных санкций для преступлений с совпадающими объективными признаками (например, уничтожения или повреждения чужого имущества, противоправного лишения жизни другого человека), исходя из различий субъективной стороны (формы вины) – тоже суть проявление дифференциации уголовной ответственности. Так, и умышленное, и неосторожное уничтожение или повреждение имущества – преступления небольшой тяжести, однако при умысле возможно наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а при неосторожности – лишь на срок до 1 года (ч. 1

¹⁶ Там же. С. 78.

¹⁷ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 171.

¹⁸ Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993. С. 110–111.

А.В. Васильевский трактует ее как «изменение предусмотренного уголовным законом вида, размера и характера меры ответственности...» (Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. С. 4).

ст. 167, ст. 168 УК РФ). Умышленное причинение смерти (убийство) наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет, а неосторожное – на срок до 3 лет (ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 109 УК РФ). Одной из трех линий дифференциации ответственности за нанесение вреда здоровью является форма вины¹⁹: в разной мере наказуемо причинение умышленного и неосторожного тяжкого вреда (ч. 1 ст. 111, ст. 118 УК РФ). Наказуемо причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью лишь при наличии умысла (ст. 112 и 115 УК РФ).

Таким образом, «по вертикали» применительно к УК РФ возможно вычленение следующих видов дифференциации ответственности: а) юридической; б) межотраслевой; в) отраслевой (в уголовном праве; уголовной ответственности); г) уголовно-правового института; д) в пределах группы, подгруппы норм; е) в пределах отдельной нормы.

Внутри отрасли права допустимо вести речь о дифференциации: 1) оснований уголовной ответственности; 2) формы (вида) ответственности; 3) объема уголовной ответственности и уголовного наказания.

Когда речь идет о дифференциации юридической ответственности, то законодатель оперирует чаще всего такими показателями особенностей правонарушения, как форма вины, мотивы и цели деятельности, предмет преступления, содержание объекта посягательства, наличие (отсутствие) повторения деяния, размер вреда, способ и черты субъек-

та преступления и т.п. Так, в гл. 22 УК РФ криминализирующими деяние признаками выступают: а) крупный размер, крупный ущерб (ст. 171, 172, 176–178, 180, 185, 185¹–185⁴, 192–199²); б) существенный вред (ст. 179); в) использование должностным лицом своего служебного положения (ст. 169, 170); г) корыстная или иная личная заинтересованность (ст. 170, 181); д) цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также оказания влияния на конечные результаты (ст. 174, 184).

Подчас дифференциацию ответственности связывают с процессом не только правотворчества, но и правоприменения. Так, утверждается, что она «предполагает необходимость учета на всех уровнях – и законотворческом, и правоприменительном – степени общественной опасности как деяний, так и деятеля»²⁰. Приведенное суждение, на наш взгляд, страдает по меньшей мере двумя неточностями. Во-первых, критерием дифференциации выступает не только степень, но и характер общественной опасности деяния и деятеля. Во-вторых, вряд ли может быть продуктивным такое толкование дифференциации ответственности, при котором она объемлет и индивидуализацию ответственности и наказания, относящуюся к сфере правоприменительной деятельности. Такое смешение не содействует четкому разграничению функций законодателя и правоприменительного органа.

Библиография:

1. Алексеев Н.А. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: Россия в свете практики международных организаций и национального законодательства стран мира. – М., 2002.
2. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.
3. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
4. Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. – Ярославль, 1995.
5. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. – Ярославль, 2000.
6. Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. – Ярославль, 1993.
7. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975.

¹⁹ Уголовное право России. Часть Особенная / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2012. С. 55–58.

²⁰ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 91.

8. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М., 2000.
9. Лопашенко Н.А. Преступление в сфере экономической деятельности и административное правонарушение в этой же сфере: проблемы соотношения // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы второй науч.-практ. конф. – Ярославль, 2002.
10. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск, 1989.
11. Мельникова Ю.Б. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация / Ю.Б. Мельникова // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1994.
12. Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст. 165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и на квалификацию: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2003.

References (transliteration):

1. Alekseyev N.A. Pravovoye regulirovaniye polozheniya seksualnykh menshinstv: Rossiya v svete praktiki mezhdunarodnykh organizatsiy i natsionalnogo zakonodatelstva stran mira. – М., 2002.
2. Korobeyev A.I., Uss A.V., Golik Yu.V. Ugolovno-pravovaya politika: tendentsii i perspektivy. – Krasnoyarsk, 1991.
3. Korobov P.V. Ponyatiye differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti // Differentsiatsiya formy i sodержaniya v ugovnom sudoproizvodstve. –Yaroslavl, 1995.
4. Kruglikov L.L., Kostareva T.A.. Differentsiatsiya otvetstvennosti kak ugovno-pravovaya kategoriya // Kategorialnyy apparat ugovnogo prava i protsessa. – Yaroslavl, 1993.
5. Kruglikov L.L., Vasilyevskiy A.V. Rets. na kn.: Lesniyevski-Kostareva T.A. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti: Teoriya i zakonodatelnaya praktika. М., 1998. 287 s. // Normotvorcheskaya i pravoprimenitelnaya tekhnika v ugovnom i ugovno-protsessualnom prave. – Yaroslavl, 2000.
6. Kurlyandskiy V.I. Ugolvnaya politika, differentsiatsiya i individualizatsiya ugovnoy otvetstvennosti // Osnovnyye napravleniya borby s prestupnostyu. – М., 1975.
7. Lesniyevski-Kostareva T.A. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatelnaya praktika. – М., 2000.
8. Lopashenko N.A. Prestupleniye v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti i administrativnoye pravonarusheniye v etoy zhe sfere: problemy sootnosheniya // Aktualnyye problemy yuridicheskoy otvetstvennosti za narusheniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti i nalogooblozheniya: Materialy vtoroy nauch.-prakt. konf. – Yaroslavl, 2002.
9. Melnikova Yu.B. Differentsiatsiya otvetstvennosti i individualizatsiya nakazaniya. – Krasnoyarsk, 1989.
10. Melnikova Yu.B. Yuridicheskaya otvetstvennost: sushchnost, ponyatiye, differentsiatsiya // Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave i protsesse. – Yaroslavl, 1994.
11. Perch N.V. Nepocheniye dolzhnogo kak vid imushchestvennogo ushcherba (na primere st.165 UK RF): ponyatiye, vliyaniye na otvetstvennost i na kvalifikatsiyu: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. – М., 2003.
12. Vasilyevskiy A.V. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya v Obshchey chasti ugovnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – N. Novgorod, 2000.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2013 г.